

Защита и дальнейшее обоснование теории научного социализма

Среди учеников и последователей Маркса и Энгельса в области теории научного социализма Г. В. Плеханов по праву занимает одно из видных мест. П. Лафарг, Ф. Меринг, А. Бебель высоко оценивали произведения Г. В. Плеханова, в которых он защищал и дальше развивал ряд положений научного социализма в борьбе против ревизионизма. Ленин, несмотря на крупные недостатки и ошибки Плеханова в решении ряда проблем научного социализма, писал о его выдающейся роли теоретика в русском международном рабочем движении.

Конечно, переход Плеханова после II съезда партии на позиции меньшевизма привел его к ряду отступлений от марксизма в таких важнейших вопросах, как диктатура пролетариата, социалистическая революция и классовая борьба. В этих и некоторых других политических вопросах он проявлял существенные колебания, что нашло прежде всего отражение в области его тактических установок.

Но безусловным является и то, что даже в эти годы в произведениях Плеханова можно найти немало положительного в решении теоретических вопросов, на что обращает внимание Ленин.

Особенно плодотворными были выступления Плеханова против народничества и ревизионизма. В процессе критики народнических и других социальных утопий и борьбы с различного рода ревизионизмом он обосновывает весьма важные стороны теории научного социализма, развивает некоторые его моменты.

С образованием группы «Освобождение труда» можно было считать, что народнической идеологии

противостоит в России теория научного социализма; особенно важно было стремление применить эту теорию к российским общественным отношениям и теоретически обосновать практическую деятельность русских марксистов. В работах Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» эти задачи и были поставлены в теоретическом плане.

Дав краткий критический обзор программ различных фракций народничества (лавризм, бакунизм, ткачество), Плеханов в произведении «Социализм и политическая борьба» ставит вопрос: «Но что такое научный социализм?» — и отвечает: «Под этим именем мы разумеем то коммунистическое учение, которое начало вырабатываться в начале сороковых годов из утопического социализма под сильным влиянием гегелевской философии, с одной стороны, и классической экономики — с другой; то учение, которое впервые дало реальное объяснение всему ходу развития человеческой культуры, безжалостно разрушило софизм теоретиков буржуазии и «во всеоружии знания своего века» выступило на защиту пролетариата» (12, т. I, стр. 69).

Это общее определение Плеханов сопровождает замечанием, что «научный социализм предполагает «материалистическое понимание истории»» (12, т. I, стр. 70). Научный социализм, возникший в результате переворота, совершенного Марксом и Энгельсом, имеет свою историю: «Дело научного обоснования социализма было закончено лишь с появлением «Капитала»» (12, т. I, стр. 57). Но это не означает, что на этом заканчивается развитие научного социализма. Плеханов пишет: «Но само собою разумеется, что развитие научного социализма еще не закончено и так же мало может остановиться на трудах Энгельса и Маркса, как теория происхождения видов могла считаться окончательно выработанной с выходом в свет главных сочинений английского биолога. За установлением основных положений нового учения должна последовать детальная разработка относящихся к нему вопросов, разработка, дополняющая и завершающая переворот, совершенный в науке авторами «Коммунистического Манифеста»» (12, т. I, стр. 69—70).

К вопросу о том, что научный социализм — наука, непрерывно развивающаяся, Плеханов возвращается не раз. Он подчеркивал, что теория научного социализма, отражающая закономерности экономического и социально-политического развития, не должна стоять на месте. «Научный социализм, — писал Плеханов, — есть теория, и эта теория должна быть постоянно разрабатываема, должна быть подвигается вперед, если мы не хотим, чтобы она пошла назад» (23, т. III, стр. 89). Плеханов отмечал творческий характер теории научного социализма.

Однако впоследствии всем этим правильным положениям Плеханов изменил. После II съезда партии он нередко стал догматически подходить к решению таких проблем теории научного социализма, как революция и классовая борьба.

Чем же отличается научный социализм от утопического? Прежде всего сам метод, подход первого к общественным отношениям коренным образом отличается от метода второго, замечает Плеханов в своих статьях против Струве. «Социалисты-утописты исходили из того или другого отвлеченного принципа и опирались на его силу. Последователи научного социализма исходят из сознания исторической необходимости и опираются на ее силу. «Конечная цель» есть у одних, как была она и у других; но «конечная цель» утопистов относилась к действительности совсем иначе, чем относится к ней «конечная цель» последователей научного социализма» (12, т. II, стр. 628). Научный социализм исходит из внутренних сил развития самой действительности, не навязывает ей своих принципов. Выступая против обвинения марксизма в фатализме, Плеханов со всей категоричностью указывал, что в развитии истории действуют как объективные, так и субъективные условия. Основоположники научного социализма учитывали оба типа условий, говоря о переходе от капитализма к социализму. «Первое из этих условий, — указывает Плеханов, — имеет объективный характер и заключается в экономических отношениях страны. Другое условие — чисто субъективное и относится к самим производителям: недостаточно одной объективной, экономической воз-

возможности перехода к социализму; нужно, чтобы рабочий класс понял и осознал эту возможность. Эти два условия находятся в тесной взаимной связи» (12, т. I, стр. 319—320).

И впоследствии в своей работе «Основные вопросы марксизма» Плеханов подчеркивал диалектическое единство и взаимопроникновение субъективных и объективных условий. В истории действуют люди. Без их воздействия на общественные отношения не происходит изменений в истории. «Изменение этих отношений, — пишет Плеханов, — не может совершаться «автоматически», т. е. независимо от человеческой деятельности, потому что эти отношения являются отношениями, устанавливающимися между людьми в процессе их деятельности» (12, т. III, стр. 170).

Плеханов отдает должное субъективному фактору в истории, но, выступая против субъективизма народников, прежде всего подчеркивает вслед за Марксом и Энгельсом значение объективных условий для социального прогресса.

Следует заметить, что проблема субъективного фактора не была должным образом разработана Плехановым. В общетеоретическом плане она решалась им в основном правильно. Но как только приходилось ее решать применительно к конкретным фазам исторического процесса, Плеханов отступал от правильного ее понимания, недооценивал значения субъективного фактора в революции и других общественных явлениях. Несомненно, это было связано с его политической меньшевистской позицией. Еще в статье «Рабочий класс и социально-демократическая интеллигенция» Плеханов встал на позицию теории стихийности. Истинно материалистическую точку зрения Ленина о соотношении стихийности и сознательности он совершенно необоснованно назвал идеалистической, утверждая, что Ленин, дескать, недооценивает объективный фактор и переоценивает субъективный фактор в истории.

В своих работах «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» он подвергает критике субъективные теоретические основания народнической социальной утопии, указывает на необходимость

устранить злоупотребления «субъективным методом в социологии». «Для нас желательное вырастает из необходимого и ни в коем случае не заменяет его в наших рассуждениях. Для нас свобода личности заключается в знании законов природы — т. е., между прочим, и истории — и в умении подчиняться этим законам, т. е., между прочим, и комбинировать их наивыгоднейшим образом» (12, т. I, стр. 135—136). Последнее положение (комбинировать законы наивыгоднейшим образом) говорит о том, что Плеханов в своих возражениях народническим противникам марксизма отмечал активную роль субъективного фактора, опровергая попытки приписать марксизму квиетизм.

Его работа «Социализм и политическая борьба» посвящена, собственно, анализу одной из важнейших сторон субъективного фактора — роли и значению политической борьбы в истории, в частности в условиях России конца XIX в. К решению этой проблемы он подходит с позиций материалистического понимания истории, подвергая критике иной, идеалистический подход к ней со стороны различных фракций народничества.

Плеханов опровергает легенду народников о том, что научный социализм, исходя из примата экономических отношений, якобы отрицает активное значение политической борьбы в обществе. Но существует другое недоразумение, замечает Плеханов, которое непосредственно касается вопроса о значении политической борьбы в переустройстве социальных отношений и коренится в ошибочном понимании взгляда Маркса на роль экономического фактора в развитии культуры. Подобная точка зрения присуща Прудону, Родбертусу, а вовсе не Марксу.

Разъясняя связь между экономическим развитием и политической борьбой, Плеханов пишет: «Чему учит нас в этом случае история? Она показывает нам, что всегда и везде, где процесс экономического развития вызывал расчленение общества на классы, противоречие интересов этих классов неизбежно приводило их к борьбе за политическое господство. Эта борьба возникала не только между различными слоями господствующих классов, но также между этими классами,

с одной стороны, и народом — с другой, если только последний был поставлен в условия, хоть немного благоприятные для его умственного развития... Всегда и везде политическая власть была рычагом, с помощью которого добившийся господства класс совершал общественный переворот, необходимый для его благосостояния и дальнейшего развития» (12, т. I, стр. 76).

Из этого общего тезиса Плеханов, ссылаясь на Маркса и Энгельса и следуя за ними, делает вывод, что рабочий класс находит в политической борьбе средство завоевания своей диктатуры и уничтожения эксплуататорских классов. Научный социализм придает решающее значение политической борьбе. В основе ложного утверждения, что социализм несовместим с политикой, лежало прудоновско-бакунинское учение о государстве, а также взгляды социалистов-утопистов.

Но научный социализм понимает политический фактор иначе, чем те народники, которые придают ему определяющее значение в своей практической деятельности вне зависимости от объективных социальных отношений. Плеханов анализирует в этой связи теоретические взгляды Ткачёва и «Народной воли». Он использует критические высказывания Энгельса в адрес Ткачёва. Выступая против попыток приписать Марксу вульгарный экономический материализм и отрицание политической борьбы в переустройстве социальных отношений, Плеханов разъясняет позицию марксизма в этом вопросе. В работе «Социализм и политическая борьба» он писал: «Преыдущие страницы должны были уже убедить читателя, что мы не принадлежим к числу принципиальных противников такого акта, как захват власти революционной партией. По нашему мнению, он представляет собою последний и притом совершенно неизбежный вывод из той политической борьбы, которую на известной ступени общественного развития должен начать всякий класс, стремящийся к своему освобождению... Но диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является в настоящее время не толь-

ко разрушение политического господства непродуцируемых классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни» (12, т. I, стр. 100—101).

Плеханов указывает, что диктатура, о которой говорит марксизм, — это диктатура рабочего класса, который не сразу к ней подходит, а должен быть подготовлен к ней. «До тех же пор, пока рабочий класс не развился еще до решения своей великой исторической задачи, обязанность его сторонников заключается в ускорении процесса его развития, в устранении препятствий, мешающих росту его силы и сознания, а не в придумывании социальных экспериментов и вивисекций, исход которых всегда более чем сомнителен» (12, т. I, стр. 102).

Итак, необходим не заговор группы лиц, а широкая политическая борьба рабочего класса, прокладывающая путь к социалистической революции. Этот тезис Плеханов противопоставляет взглядам «Народной воли» и сторонников Ткачёва. Позицию последнего он называет русским бланкизмом. Отличительной чертой русской разновидности бланкизма является заимствованная у Бакунина идеализация русского крестьянства.

В произведении «Наши разногласия» Плеханов на основе анализа статистических и иных данных доказал, что Россия быстро идет по тому же пути, что и Западная Европа. Что касается общины, то она находится в процессе непрерывного экономического и социального разложения. В выводах он писал: «Все наиболее новые, а потому и наиболее влиятельные течения нашей общественной жизни, все наиболее знаменательные факты в области производства и обмена имеют один несомненный и бесспорный смысл: они не только расчищают дорогу капитализму, но и сами являются необходимыми и в высшей степени важными моментами его развития. За капитализм вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и, в свою очередь, определяют направление и скорость его движения» (12, т. I, стр. 288).

Интересно отметить, что Плеханов уже тогда разглядел в народниках-легалистах выразителей идеологии зажиточной части крестьянства. «Наши народники-легалисты, столь плодovитые на всякого рода рецепты для поддержания и упрочения «вековых устоев русского народного быта», не замечают, что фактически они все более и более становятся выразителями интересов той части крестьянства, которая является представительницей индивидуалистического принципа и кулацкой наживы» (12, т. I, стр. 274).

Что же делать русским социалистам? — спрашивает Плеханов. Научный социализм прежде всего требует познания объективных общественных законов и вытекающих из них экономических и социальных тенденций. «Все непонятые законы общественного развития действуют с неотразимой силой и слепой жестокостью законов природы. Но узнать тот или другой закон природы или общественного развития — значит уже, во-первых, уметь избегать столкновения с ним, а следовательно, и напрасной траты сил, а во-вторых, — быть в состоянии регулировать его приложение так, чтобы извлекать из него пользу. Эта общая мысль всецело применяется к интересующему нас частному случаю. Нам нужно воспользоваться в интересах революции и трудящегося населения совершающимся в России социально-экономическим переворотом» (12, т. I, стр. 289).

Плеханов парирует народнические заявления об особенностях развития России, во-первых, указанием на аналогичные экономические и социальные процессы, совершающиеся в ней, как и на Западе, и, во-вторых, ссылкой на то, что «никакие исторические особенности данной страны не избавляют ее от действия общих социологических законов» (12, т. I, стр. 304).

Плеханов подвергает критике доводы народников о том, что Россия может миновать фазу капиталистического развития. Он ставит вопрос в иную плоскость: революционеры могут своей деятельностью сократить сроки этой фазы, но вовсе не устранить ее. Интеллигенция, замечает Плеханов, «апеллирует к вероятности полного устранения одной из фаз общественного развития — в значительной степени потому, что не

понимает возможности сокращения продолжительности этой фазы. Ей и на мысль не приходит, что полное устранение данного исторического периода есть лишь частный случай его сокращения и что, доказывая возможность первого, мы тем самым, и притом в гораздо более сильной степени, подтверждаем вероятность второго» (12, т. I, стр. 352).

Сила научного социализма заключается в глубоком проникновении в закономерности развития общества, в осознании пути общественного прогресса и в учете вытекающих отсюда требований. Капитализм противоположен, замечает Плеханов, не только следующему за ним, но и предыдущему звену в цепи исторического развития. Отсюда проистекает программа деятельности русских социалистов. Необходимо поддерживать капитализм в его борьбе с реакцией и быть непримиримыми врагами того же капитализма в борьбе его против социализма.

Плеханов в борьбе с народниками обосновывает тезис о том, что нельзя смешивать два этапа исторического развития. «Связывать в одно два таких существенно различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития совпадут в истории нашего отечества, — значит отдалять наступление и того и другого. Но от нас зависит сблизить эти два момента» (12, т. I, стр. 110).

Следует обратить внимание на последнюю мысль Плеханова. В своих первых марксистских работах он считал возможным сблизить борьбу рабочего класса против самодержавия с его борьбой против капитализма и приводил слова «Манифеста Коммунистической партии» о том, что коммунисты хотели, чтобы «немецкая буржуазная революция послужила лишь непосредственным прологом революции рабочей» (12, т. I, стр. 110). Впоследствии, с приближением революции 1905 г., Плеханов отошел от этого правильного положения и выступил против ленинского тезиса о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. В меньшевистский период, выступая против позиции Ленина, Плеханов

утверждал, что большевики стремятся «опередить» исторический процесс развития своим «произвольным» вмешательством. Он призывал социал-демократию приспособляться к стихийному ходу истории, не топиться.

Касаясь вопроса о принципиальном различии взглядов научного коммунизма и народничества на судьбы дальнейшего общественного прогресса в России, Плеханов писал: «Мы различаемся с вами в том, что, между тем как развитие современных экономических отношений все более и более удаляет вас от ваших общинных идеалов, наши коммунистические идеалы все более и более приближаются к нам, благодаря тому же самому развитию. Вы напоминаете человека, который, отправляясь на север, попал в поезд, везущий его на юг; мы же знаем свою дорогу и садимся в тот исторический поезд, который на всех парах везет нас к нашей цели» (12, т. I, стр. 355).

Есть один вопрос, которому весьма мало уделяет внимания Плеханов в своей полемике с народниками, — это вопрос о роли крестьянства в общественном развитии. Он решает его в общей форме. «Мы, — пишет он, — не держимся того взгляда — скорее, как мы видели, навязанного школе Маркса, чем существовавшего в действительности, — взгляда, по которому социалистическое движение не может будто бы встретить поддержки в нашей крестьянской среде до тех пор, пока крестьянин не превратится в безземельного пролетария, а сельская община не разложится под влиянием капитализма. Мы думаем — что в общем — русское крестьянство отнеслось бы с большой симпатией ко всякой мере, имеющей в виду так называемую «национализацию земли». При возможности скольконбудь свободной агитации в его среде оно отнеслось бы с сочувствием и к социалистам, которые не замедлили бы, разумеется, внести требование такого рода мер в свою программу» (12, т. I, стр. 110—111).

Выдвинутое Плехановым положение правильно. Правильно в общем и его замечание о том, что крестьянство менее восприимчиво к революционному движению, чем рабочий класс, а потому надо сосредоточить главное внимание на промышленных центрах.

И все же при чтении ранних марксистских работ Плеханова остается впечатление, что он недооценивает революционные возможности крестьянства и их использование социалистами, а также возникает вопрос, почему Плеханов не проанализировал социальные процессы разложения крестьянства и не сделал вывода о его революционной роли.

Произведения «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» представляют собой не только популяризацию идей научного социализма, но и конкретное применение их к российской действительности того периода. В своих заключениях Плеханов говорит, что первоочередной задачей русских революционеров является создание партии научного социализма, политическое просвещение рабочего класса и организация его для политической борьбы.

Ленин высоко оценивал указанные произведения Плеханова и их историческое значение в борьбе против народнической идеологии, за утверждение научного социализма и за применение его к российской действительности. Но в них содержался ряд ошибочных положений, например переоценка роли интеллигенции в общественном движении, признание террора как одного из методов борьбы против самодержавия. Последнее нашло свое прямое отражение и в проекте партийной программы группы «Освобождение труда». Правда, Ленин отмечал как положительные, так и отрицательные стороны этого проекта (о роли крестьянства, о терроре, требовании государственной помощи производительным ассоциациям).

В брошюре «Наши разногласия» Плеханов писал, что уже в первом литературном произведении группы «Освобождение труда», в брошюре «Социализм и политическая борьба», ясно сказано о руководящей роли интеллигенции по отношению к рабочему классу в предстоящем освободительном движении. Об этом говорилось и в первом проекте программы группы «Освобождение труда».

Вопрос о переоценке роли интеллигенции в общественном движении, как и вопрос о терроре как об одном из методов борьбы против самодержавия, связан у Плеханова, по-видимому, во-первых, с его прош-

лой деятельностью как народника и, во-вторых, с тем, что он еще пытался сохранить возможность для перехода наиболее прогрессивных народников на позиции научного социализма. В предисловии к брошюре «Первое мая 1891 г.» Плеханов замечает, что народнику «труднее было усвоить учение современного научного социализма, чем верблюду войти в игольное ушко» (23, т. II, стр. 45).

Чем следует объяснить известную недооценку со стороны Плеханова роли крестьянства в общественном движении, то, что он при рассмотрении ее главным образом уделяет внимание крестьянину как собственнику со всеми его предрассудками и колебаниями? При этом Плеханов постоянно подчеркивает пассивность и консервативность крестьянства.

В произведении «Наши разногласия» он писал, что программа русских марксистов «не жертвует деревней в интересах города, не игнорирует крестьянства ради промышленных рабочих. Она ставит своей задачей организацию социально-революционных сил города для вовлечения деревни в русло всемирно-исторического движения» (12, т. I, стр. 367). Здесь в абстрактной форме говорится о вовлечении крестьянства в поток всемирно-исторического движения. В первом же проекте программы группы «Освобождение труда» 1884 г. сказано лишь о том, что группа «*нимало не игнорирует крестьянства, составляющего огромнейшую часть трудящегося населения России*» (12, т. I, стр. 375). Правда, в конце проекта указывается: «Самом собою, впрочем, разумеется, что распределение сил наших социалистов *должно будет измениться, если в крестьянстве обнаружится самостоятельное революционное движение*» (12, т. I, стр. 376).

Во втором проекте программы (1887 г.) центр тяжести в оценке роли крестьянства переносится уже на отрицательные моменты значения крестьянства в общественном движении. «Русское революционное движение, — указывается здесь, — торжество которого послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии

и умственной отсталости крестьянства» (12, т. I, стр. 378). В проекте делается глубоко ошибочный вывод о том, что крестьянство является опорой самодержавия.

Эта неверная позиция Плеханова, приходившая в противоречие с научным социализмом, была оспорена Лениным, который в «Проекте программы нашей партии» развил совершенно иную установку в этом вопросе. «Крестьянский вопрос в России, — указывал он, — существенно отличается от крестьянского вопроса на Западе, но отличается *только тем*, что на Западе речь идет почти исключительно о крестьянине в капиталистическом, буржуазном обществе, а в России — главным образом о крестьянине, который не менее (если не более) страдает от *докапиталистических* учреждений и отношений, страдает от *пережитков крепостничества*. Роль крестьянства, как класса, поставяющего борцов против абсолютизма и против пережитков крепостничества, на Западе уже сыграна, в России — еще нет» (3, т. 4, стр. 226—227).

Вот этого не понимал Плеханов. К этому присоединялось убеждение, которое он вынес из своей практической деятельности как народника, а именно что крестьянство относилось пассивно к той социалистической агитации, которую вели народники среди него. Эта позиция Плеханова окончательно оформилась в меньшевистский период, когда он солидаризировался со взглядами, бытовавшими в некоторых партиях II Интернационала, об отсутствии сколько-нибудь серьезной роли крестьянства в революционном движении.

Уже в своей полемике с народниками Плеханов неоднократно обращался к важнейшим проблемам научного социализма — проблемам социалистической революции и диктатуры пролетариата. К этим вопросам он возвращается в связи с критикой ревизионистов на Западе и в России. Еще в статье «Буржуа прежних времен» (1893 г.), касаясь взглядов Гельвеция, он в заключение писал: «Гельвеций не знал «лекарства» против «зла», которое он предвидел. Мы же знаем такое лекарство, и притом лекарство верное: это *диктатура пролетариата как средство и социали-*

стическая организация производства как цель» (12, т. I, стр. 506). В ряде своих последующих работ Плеханов в борьбе против буржуазных идеологов — Ю. Вольфа, Масарика, ревизионистов Бернштейна и других ставит вопрос о социалистической революции и диктатуре пролетариата.

В своем открытом письме Карлу Каутскому «За что нам его благодарить?» Плеханов отмечает основные пункты, по которым Бернштейн пытается атаковать теорию научного социализма. В своих статьях против Бернштейна и К. Шмидта он опровергает «доводы» ревизионистов против теории Маркса о революции и диктатуре пролетариата. «И напрасно г. Бернштейн, — замечает Плеханов, — пугает революционеров тем соображением, что классовая диктатура явилась бы признаком более низкой культуры. Великий общественный вопрос нашего времени, вопрос об уничтожении экономической эксплуатации человека человеком может быть решен, — как решались великие общественные вопросы прежнего времени, — только силой. Правда, сила еще не значит насилие: насилие есть лишь одна из форм проявления силы. Но выбор той формы, в которой пролетариату придется проявлять свою революционную силу, зависит не от его доброй воли, а от обстоятельств. Та форма лучше, которая вернее и скорее ведет к победе над неприятелем» (12, т. II, стр. 393—394).

Выступление Плеханова против Бернштейна и К. Шмидта получило международный резонанс. Однако редакция «Neue Zeit» сочла нужным прекратить полемику и тем самым заняла позицию поощрения ревизионизма. Статья Плеханова «Sanft против Канта» была опубликована в 1901 г. в «Заре». Плеханов в письме к Ленину просил сделать специальное примечание, направленное против речи Каутского, в которой он благодарил Бернштейна. Он писал: «Кстати! Прошу Вас, прибавьте в подходящем месте примечание такого рода: «Мы и до сих [пор] не можем понять, за что собственно Кауцкий благодарил Бернштейна на Штутгартском «партейтаге» (4, т. III, стр. 244).

И в своем предисловии ко второму изданию «Манифеста Коммунистической партии» Плеханов обос-

новывает неизбежность социалистической революции и диктатуры пролетариата. Он касается введения Энгельса к сочинению Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». Известно, что ревизионисты широко распространяли легенду о том, будто Энгельс к концу своей жизни отказался от идеи насильственной революции. Плеханов, проанализировав положения Энгельса, подчеркнул, что они не противоречат тому, что было сказано последним о значении насильственных действий в революционной борьбе рабочего класса. В статье «О книге Масарика» Плеханов напоминает читателям об опубликованных письмах Энгельса к Лафаргу, которые подтвердили его вывод относительно положений Энгельса в его предисловии к произведению Маркса.

В статьях Плеханова против П. Струве, в теоретическом органе русских марксистов — журнале «Заря» содержится глубокая и обоснованная критика ревизионизма по основным вопросам теории научного социализма. Но он довольно продолжительно воздерживался от выступлений против П. Струве. Между тем еще в 90-х годах в письме Плеханову Струве защищал Зомбарта. Он писал в декабре 1895 г. Плеханову: «С Вашим взглядом на Зомбарта я не согласен: он очень сочувствует не только теории социализма, но и практике». Ленин, подвергнув критике Струве в своих работах в 1895 и 1897 гг., призывал Плеханова к выступлениям против него. Плеханов в своем письме к Мартову от 25 октября 1908 г. писал: «Я жалею, что и прежде, когда Струве выдавал себя за нашего, я не обрушился на него, как он того заслуживал. Я не сделал этого, уступая настояниям А. Н. [Потресова]» (85, т. I, стр. 186).

В своих статьях против Струве Плеханов подвергает критическому анализу его статью «Марксова теория социального развития» (1899 г.), в которой тот утверждал, что Маркс будто бы вывел социализм из более чем недостаточных посылок. Глубоко и обоснованно Плеханов подверг критике извращение Струве Марксовой теории революции. Струве утверждал, что Маркс якобы представлял себе социальную революцию как столкновение между хозяйством и правом.

Ссылаясь на произведения Маркса, Плеханов раскрывает фальсификацию Струве, характеризует Марксову теорию социального развития как процесс развертывания противоречий между производительными силами и имущественными отношениями, на основе которых держится присущее этому обществу право. Именно экономическая структура капиталистического общества приходит в противоречие с развивающимися производительными силами. «Выходит, — пишет Плеханов, — стало быть, что, чем более развиты производительные силы общества, тем опаснее становится для него их полное применение. И это противоречие не может быть устранено до тех пор, пока продолжают существовать буржуазные имущественные отношения. Для его устранения необходима *социальная революция*, которая разрушит *буржуазные* имущественные отношения и заменит их *социалистическими*, имеющими совершенно другой характер» (12, т. II, стр. 522—523).

Плеханов подверг сокрушительной критике буржуазную теорию притупления противоречий между интересами пролетариата и буржуазии. Он подчеркивал, что происходит совершенно иной процесс, характеризующийся непрерывным обострением противоречий. На основе анализа большого конкретного статистического материала Плеханов опровергает тезис об уменьшении расстояния в экономическом и социальном отношении между эксплуатируемым пролетариатом и эксплуатирующими его капиталистами. Факты и явления, говорит он, свидетельствуют, что «в экономическом отношении расстояние между пролетариатом и буржуазией *увеличилось*, рабочий класс сделался *относительно* беднее, потому что его *доля* в национальном продукте *относительно* уменьшилась. Как ни важны были для рабочего класса фабричное законодательство и прочие паллиативы «социальной реформы», но они далеко не могли перевесить невыгодной для него тенденции развивающегося капитализма к принижению пролетариата» (12, т. II, стр. 583). Происходит относительное ухудшение быта рабочего класса, хотя заработная плата в некоторых областях может возрастать.

В капиталистическом обществе не существует притупления классовых противоречий, потому не может быть возникновения социализма на капиталистической основе, на основе реформирования и штопания капитализма. «Если я штопаю *чулки*, — иронически замечает Плеханов, — то они останутся чулками и не превратятся в *перчатки* даже в том крайнем случае, когда вся их «*ткань*» подвергнется сплошному обновлению. То же и со штопанием дыр капиталистического общества» (12, т. II, стр. 618—619).

В своем конспекте-лекции, прочитанной в Берне в 1908 г., Плеханов писал: «По мнению одних, — ортодоксов, — производствен[ные] отнош[ения] общества изменяются под влиянием развития производит[ельных] сил к *невыгоде*: 1) для пролетариата и 2) для средних промежуточных классов общества. *Общественные неравенства возрастают*. Расстояние между эк[сплоатируемыми] и эк[сплоататорами] увеличивается. По мнению других, — ревизионистов, — они [противоречия] *сглаживаются*, расстояние уменьшается. Напомню хотя бы статью П. Струве в «*Враин's Archiv'e*» об уменьшении противоречий. Поскольку наши экономисты склонялись к *ревизионизму*, постольку они признавали — или должны были признавать, если хотели быть последоват[ельными], *это* сглаживание противоречий» (21, т. 6, стр. 47).

Плеханов в заключение последней статьи против П. Струве указывал, что ревизионисты выбрасывают из теории научного социализма Маркса все важнейшие ее положения, в том числе учение об общественных противоречиях, о социальной революции, о диктатуре пролетариата. «*Настоятельная психологическая потребность подорвать теоретическую основу знаменитого учения о диктатуре пролетариата и о политической революции, необходимой для социального освобождения этого класса, вынудила критика П. Струве на заре двадцатого столетия обосновать свои возражения против «ортодоксального» марксизма на более чем недостаточных посылках*» (12, т. II, стр. 531).

Безусловно, Плеханов в борьбе с народничеством, «экономистами», бернштейнианством и «легальным марксизмом» вплоть до II съезда партии стоял на

страже теории научного социализма, важнейших ее положений. Больше того, в некоторых случаях он конкретизировал и развивал отдельные стороны теории научного социализма. Это относится к таким его произведениям, как «Социализм и политическая борьба», «Критика наших критиков» и др.

Вместе с тем в ходе полемики с противниками марксизма у Плеханова обнаруживается после II съезда партии отход от правильного марксистского решения ряда проблем научного социализма. Такие теоретические проблемы, как проблема места и роли крестьянства в общественном движении, роли буржуазии, вопрос о характере и формах революции в России и некоторые другие, непосредственно связанные с вопросами партийной тактики накануне и в ходе революции 1905 г., решены были Плехановым неправильно, при решении их он отступил от теории научного социализма.

Мы уже останавливались на подходе Плеханова к крестьянскому движению. С ним так или иначе связана проблема отношения рабочего класса к буржуазии в конкретных условиях России накануне буржуазной революции. Остается проанализировать его взгляды на роль либеральной буржуазии в России.

В своих ранних работах Плеханов в общей форме правильно ставил вопрос о том, что в современных условиях пролетариат не может довольствоваться служебной ролью, как он довольствовался в ранних буржуазных революциях на Западе. «Прежде рабочий класс побеждал, состоя под начальством буржуазии, и только наивно дивился тому странному обстоятельству, что почти все трудности борьбы падают на его долю, между тем как почти все выгоды и почести победы достаются его союзнице. Теперь он не довольствуется этой служебной ролью и обращает против буржуазии ту самую силу, которая некогда принесла ей победу» (12, т. I, стр. 87).

Рабочий класс, указывал Плеханов, должен выступить в качестве особой самостоятельной партии с определенной социально-политической программой. Касаясь отношения к буржуазии, он считал, что сама

социалистическая партия, завоевав либеральной буржуазии свободу слова и действия, может очутиться в «исключительном положении». В политике на благодарность вчерашних союзников и нынешних врагов может рассчитывать лишь тот, кому невозможно рассчитывать на что-либо более серьезное.

В работе «Новый защитник самодержавия» Плеханов на первый план в борьбе против самодержавия выдвигает рабочий класс, указывая при этом на сильную роль буржуазии. «Нужно, однако, — пишет он, — еще раз заметить, что в своей борьбе с самодержавием рабочий класс будет, по всей вероятности, не один, хотя, разумеется, только он один способен придать ей решительный оборот. Само положение дел необходимо будет толкать на сильную для нее борьбу всю нашу буржуазию» (12, т. I, стр. 414—415).

Следует заметить, что ни в первом, ни во втором проекте программы русских социал-демократов группы «Освобождение труда» не ставился вопрос о месте и роли буржуазии в грядущей революции.

Однако со времени критики Лениным книги Струве «Критические заметки...», вышедшей в 1894 г., обнаруживаются отдельные факты, свидетельствующие о переоценке Плехановым роли буржуазии в российском общественном движении.

Плеханов, например, долго и упорно молчал, не выступая против такого буржуазного идеалиста, как Струве, который в своих выступлениях ревизовал марксизм по весьма важным вопросам. Об этом факте сам Плеханов впоследствии писал: «Еще когда г. Струве выпустил свои известные «Критические заметки», некоторые из моих (немногочисленных тогда) единомышленников, справедливо находя эти заметки произведением человека, еще не доработавшего до последовательного образа мыслей, советовали мне выступить против него. Советы этого рода стали еще более настоятельными, когда тот же г. Струве поместил в «Вопросах философии и психологии» свою статью «О свободе и необходимости». Я помню, как Ленин, увидевшись со мной летом 1900 года, спрашивал меня, почему я оставил эту статью без внимания» (12, т. III, стр. 210).

Это был частный факт, но он известным образом отражал более общий вопрос — об отношении к либеральной буржуазии. И действительно, вскоре внутри редакции «Искры» возникли по этому вопросу принципиальные разногласия. Плеханов по-иному, чем Ленин, стал смотреть на роль либеральной буржуазии.

У Плеханова складывался постепенно тактический оппортунизм на основе признания буржуазии важнейшей движущей силой исторического процесса в России и в результате отказа от признания гегемонии пролетариата. В этой связи нельзя не привести слова Плеханова из письма Каутскому 7 декабря 1910 г.: «В вашей полемике с Розой Люксембург я был вполне на вашей стороне и согласен с вами до мельчайших подробностей. Это показало мне, к великой моей радости, что нам будет легко столкнуться по вопросам русской тактики» (21, т. 6, стр. 277). Плеханов призывал рабочий класс быть терпеливым. «История, — писал он, — громко и внятно читает теперь русскому народу курс политических наук, и мы не должны прерывать ее чтения излишней торопливостью» (11, т. XV, стр. 99—100).

Сравнивая резолюции III съезда партии и меньшевистской конференции, различный подход большевиков и меньшевиков к пониманию исторического процесса, Ленин писал: «Резолюция съезда зовет на борьбу определенный класс за точно определенную ближайшую цель. Резолюция конференции рассуждает о взаимной борьбе разных сил. Одна резолюция выражает психологию активной борьбы, другая — пассивного зрительства; одна проникнута призывом к живой деятельности, другая — мертвенным резонансом» (3, т. 11, стр. 26—27).

Тактический оппортунизм Плеханова приходил в противоречие с теорией научного социализма, основные положения которого он пропагандировал и конкретизировал в своих произведениях доменьшевистского периода. Правда, к этому периоду жизни Плеханова относятся некоторые его произведения, в которых он высказывает ряд интересных идей, главным образом по вопросу об отношении социализма к религии, а также в области истории утопического социализма.

Из письма Г. Д. Лейтейзена Плеханову 2 июня 1904 г. мы узнаем о намерении Плеханова принять участие в создании «Энциклопедии по истории, теории и практике социализма». Но это предприятие не было им осуществлено.

Тактический оппортунизм оказал влияние на теоретические взгляды Плеханова. Проблема движущих сил и насильственной формы революции, вопросы гегемонии пролетариата и перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую решались им неправильно, при решении их он допускал прямой отход от теории научного социализма. Проблема субъективного фактора в истории была Плехановым искажена. В период революции 1905 г. он приходил к заключению, что народные массы не созрели для революции и о гегемонии пролетариата не может быть и речи.

Читая произведения Плеханова, убеждаешься в том, что одной из существенных черт их является то, что они имеют общий академический характер. Ему в меньшей степени удается конкретный анализ общественных отношений. Это особенно заметно в меньшевистский период его деятельности, когда в конкретной области общественных явлений (вопросы организации, тактики и пр.) он совершал политические ошибки, отходил от теории научного коммунизма и в то же время правильно отстаивал в общей форме ряд принципов марксистской философии и социологии. Это внутреннее противоречие в теоретической деятельности Плеханова отмечал Ленин. На актуальные вопросы жизни он искал ответы часто в простом логическом развитии истины, что означало отход от диалектики и заводило его нередко в область софистики.

Таким образом, в области теории научного социализма Плеханов выступил преимущественно защитником ее в период 1883—1903 гг., перейдя затем на ошибочные меньшевистские позиции.

Последовательно и творчески развивал марксизм в борьбе против всяческих его извращений — в том числе и меньшевистских — Ленин.